

«ДВОЙНОЕ ВИДЕНИЕ» Э.М. ФОРСТЕРА И «ИЗБЫТОК ВИДЕНИЯ» М.М. БАХТИНА: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

The article deals with the problem of otherness in the creative work of the famous English writer of the XX century and the Russian philosopher M.M. Bahtin. The author of the article thoroughly investigates the problem of the internal Other in the works "A Passage to India", "Howards End" and short stories by means of the concept "double vision". E.M. Forster's "double vision" is similar to M.M. Bahtin's idea "surplus of vision". Both claim that if a person wants to live in harmony with himself / herself it is important for him / her to "connect" (using E.M. Forster's terminology).

В сегодняшнем стремительно изменяющемся мире, где происходят интенсивные миграционные процессы, а Европу захлестнул мощный людской поток с других континентов, необходимость во взаимопонимании и терпимом отношении к проявлениям иной национальной ментальности и культуры становится не только одной из важнейших социально-политических, но и нравственных проблем.

Человек для раскрытия и развития собственных сил, для формирования себя в качестве личности должен выйти за пределы самого себя, то есть вступить в интересубъективные отношения диалого-коммуникации. Отношение к Другому является фундаментом межличностной коммуникации. Совершенно верно отмечает по этому поводу психолог А. Е. Шерозия, что, «относясь к другому, личность не только оценивает себя и свои возможности, но и удостоверяется в <...> своей самостности» [1, с. 82]. Главной составляющей человеческого существования является диалог.

Наиболее адекватное воплощение этот круг идей нашел в работах выдающегося русского литературоведа и представителя философии диалога М. М. Бахтина. Понятие «Другой» является ключевым для его творчества. Согласно философу, подлинное Я всегда обнаруживается в точках несовпадения человека с самим собой, в его идентификациях с Другим(и). М. М. Бахтин настаивал на том, что без Другого субъект не может иметь знания ни о себе, ни о мире. «Подлинная жизнь личности, – пишет автор, – совершается как бы в точке <...> несовпадения человека с самим собою, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие» [2, с. 100]. Ученый задает вопрос «Кто такой я?». Субъект ничего не может сказать о себе, не соотнеся себя с Другим. Действительно, когда человек сосредотачивается на себе, направляя на себя все свое сознание, то, как пишет русский литературовед и философ, возникает феномен самосознания: «здесь появляется нечто абсолютно новое: надчеловек, над-я, то есть свидетель и судья всего человека (всего я), следовательно, уже не человек, не я, а другой [курсив автора. – Д.П.]» [3, с. 342].

Другой выступает, в первую очередь, как носитель инаковости, как Чужой по отношению к миру, в котором находится Я. Другой присутствует в мире изначально, он конституирует смыслы совместно с Я. Я обретает свои структуры сознания во взаимодействии с Другим(и). Существование Другого признается неотъемлемым и жизненно необходимым для существования Я. Понимание Другого, как и глубокое понимание себя самого, зависит от способности к трансцендированию, когда, выходя из себя, другое Я раскрывается также и по отношению к себе как новое и неожиданное, чего было бы сложно достичь просто с самим собой. В диалоге с Другим у человека есть шанс обрести целостность в понимании себя. Другой выступает условием возможности Я, более того, лишь от Другого может исходить оценка Я. Условием настоящего диалога является осознание инаковости Другого.

Другой вводится М. М. Бахтиным уже в работе «К философии поступка». В этой работе Другой рассматривается в качестве еще одного субъекта, который, как и Я, обладает своей единственностью.

С литературоведческой точки зрения большой интерес представляет работа М. М. Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности». Здесь Другому присуща способность компенсировать и дополнять ограниченное видение Я. Подобная способность Другого происходит из его «внеаходимого» места по отношению к позиции Я: когда Другой находится вне Я, он может видеть и знать то, чего я не могу видеть с моего места и, благодаря этому «избытку видения» и знания, Другой может дополнить ограниченное видение Я и создать целое Я. Для обозначения этой особенности М. М. Бахтин употребляет понятия «внеаходимость» и «избыток видения».

«Внеаходимость» выражается в различии жизненных местоположений, благодаря которому «здесь» для меня может быть «там» для Другого. М. М. Бахтин полагает, что автор знает все, что знает его герой и еще больше. Это знание делает автора «внеаходимым». М. М. Бахтин говорит об «абсолютной эстетической нужде человека в другом, в видящей, помнящей, собирающей и объединяющей активности другого, которая одна может создать его внешне законченную личность; этой личности не будет, если другой ее не создаст» [4, с. 116]. И здесь в качестве Другого М. М. Бахтин рассматривает автора.

Классик английской литературы XX века Э.М. Форстер в романе «Поездка в Индию» (“A Passage to India”, 1924) «создал» сходное с М.М. Бахтиным понятие «двойное видение» (“double vision”). Проблема видения, понимаемая как способность героя (как и читателя) видеть тот или иной объект (включая себя самого) с разных точек зрения, под разными углами, является одной из ключевых в романе: «погоди, пока у тебя будет свое собственное [видение. – Д.П.], дорогой читатель!» [5, р. 231] – призывает нас автор.

В центре повествования находятся Марабарские пещеры, которые упоминаются уже в самом начале романа: «кроме Марабарских пещер, а они находятся на расстоянии двадцати миль, город Чандрапор не представляет собой ничего замечательного» [5, р. 31]. Однако со слов профессора Нараяна Годбола, приверженца индуизма и мистика, мы узнаем, что в пещерах нет скульптур, они никак не украшены, и вообще не содержат внутри каких-либо опознавательных знаков, словом, представляются довольно ординарными. Чтобы в пещерах не произносилось, ответ всегда один и тот же – странные звуки «у-у-бум», издаваемые эхом. Более того, пещеры существовали и задолго до появления человека. «Посмотрев одну такую пещеру, посмотрев две, посмотрев три,... двадцать четыре, посетитель возвращается в Чандрапор неуверенным, увидел ли он что-либо интересное, или поездка была скучной, либо увидел ли он что-то вообще» [5, р. 138]. Представляется, что такое разное восприятие пещер в романе связано с различным углом видения: «эти пещеры выглядят романтическими при определенном освещении и на подходящем расстоянии [курсив наш. – Д.П.]» [5, р. 139]. У миссис Мур, побывавшей внутри, пещеры вызвали чувство пустоты и апатию, у Аделы – нервное потрясение, хотя из вагона поезда они казались обоим «замечательными».

Что же фактически произошло с Аделой Куестед в Марабарских пещерах? В буквальном смысле слова *ничего* не произошло: Азис, как мы узнаем из повествования, в то время находился в другой пещере. С медицинской точки зрения Адела, безусловно, пережила нервный срыв. Во время поездки Адела сильно напряжена, непосредственно перед входом в пещеру героиня не смогла «соединиться»: Адела вошла в пещеру, частично думая о том, что ее уже утомила экскурсия, а частично о предстоящей свадьбе. И Азис, и Адела скрыты в себе, заняты своими мыслями: «если мысли [Азиса. – Д.П.] были заняты завтраком, то ее [Аделы. – Д.П.] замужеством» [5, р. 162].

Представляется, что Адела Куестед испытала в пещере то, что известный швейцарский психоаналитик и психиатр Карл Густав Юнг назвал встречей с Тенью. Тень, по Юнгу, обозначает «бессознательную противоположность того, что индивид настойчиво утверждает в своем сознании; сумма всех личностных психических элементов в силу несовместимости с избранным сознательным отношением их носителя, не допущенная к жизненному проявлению» [6, с. 287]. Следовательно, осознание Тени предполагает признание реального присутствия темных аспектов личности. Встреча с Тенью представляет собой вход через узкий проем, подобный на тот в пещере, который потом может расшириться. Вот как это описывает К.Г. Юнг: «Встреча с самим собой означает прежде всего встречу с собственной Тенью. Это теснина, узкий вход, и тот, кто погружается в глубокий источник, не может оставаться в этой болезненной

узости. *Необходимо познать самого себя, чтобы тем самым узнать, кто ты есть* [курсив автора. – Д.П.], поэтому за узкой дверью он неожиданно обнаруживает безграничную ширь, неслыханно неопределенную, где нет внутреннего и внешнего, верха и низа, здесь или там, моего и твоего, нет добра и зла [ситуация сходна с форстеровским «у-у-бум». – Д.П.]. Таков мир вод, в котором свободно возвышается все живое. Здесь начинается царство “Sympaticus”, души всего живого, где “Я” переживаю другого во мне, а другой переживает меня в себе» [6, с. 112]. В этом, на наш взгляд, и заключается «двойное видение», (иногда «двойное видение» представлено «сумрачно» (“twilight of the double vision”). Именно оно вызывает у профессора Годбола чувство бесконечного сострадания ко всему живому, а у миссис Мур апатию, «панику и пустоту», а у Аделы Куестед истерику. Поясним, почему так происходит.

Для человека, не привыкшего совершать путешествие по «ту сторону», встреча с Тенью воспринимается как своего рода надругательство над собственным Я. В нашем сознании, указывает К.Г. Юнг, «мы господа над самими собой.... Но стоит только шагнуть сквозь дверь Тени, и мы с ужасом обнаруживаем, что мы сами есть объект влияния каких-то “факторов”» [6, с. 113]. При осознании этого, продолжает мыслитель, «возникает даже повод для примитивной паники» [6, с. 113].

Встретиться с самими собой как Другим, живущим собственной жизнью внутри своего Я является трагедией для человека, живущим по законам разума, исключая возможность существования в одном человеке нескольких Я. Отметим, что сам Э.М. Форстер не исключал возможности существования нескольких Я: «в голове у каждого человека существуют две личности: одна на поверхности, другая где-то глубже. У той, что на поверхности, есть свое имя. Ее зовут... С. Т. Колдридж или Вильям Шекспир.... Ей присуще сознательность... и... [она] сильно отличается от других личностей. Та личность, которая существует глубже, очень странная» [7, р. 83–84]. Именно без последней, как полагает Э.М. Форстер, невозможен творческий процесс. Более того, «у нее есть что-то общее с другими личностями, существующими на глубине.... Именно там, в смутных тайниках нашей самости, мы приближаемся к вратам божественного» [7. р. 83–84].

Только на суде наступает прозрение героини. Адела «не думала о том, что произошло,... но она вернулась в Марабарские пещеры.... Роковой день повторился, подробно, в деталях, но сейчас она присутствовала там и не присутствовала одновременно, и в этом двойном ракурсе было какое-то свое неопишное очарование... Ее видение включало несколько пещер. Она видела себя в одной из них, но она также была и не в ней.... Она не смогла определить, где находился он [Азис. – Д.П.]. Именно в этом заключалось сомнение, которое... преследовало

ее.... Боюсь, я сделала ошибку.... Доктор Азис не преследовал меня в пещере» [5, р. 230–231]. Итак, на суде Адела находится и в пещере, и одновременно вне пещеры, пристально наблюдая, зайдет ли туда Азис. При помощи такого «двойного ракурса» Адела может увидеть сцену нападения собственными глазами. Это и есть, на наш взгляд, «двойное видение», заключающееся в способности личности увидеть себя как не-себя, а как Другого, осознать свою нетождественность самому себе, то есть прикоснуться к миру внутренней инаковости. После того, как Адела посмотрела на себя со стороны, своим внутренним взором, она отказывается от обвинения. Эхо, связанное с ее пониманием виновности/невиновности Азиса, исчезает только тогда, когда Адела признается, что сделала ошибку. На суде, соприкоснувшись с невидимым миром своего Я, Аделе удается «соединиться». Когда Адела осознала всю ограниченность своего рационализма, Я перестало диссонировать с преследующем ее эхо, она стала уверена в невиновности Азиса.

Таким образом, «видения» М.М. Бахтина и Э.М. Форстера оказываются схожими: для достижения гармоничного существования человеку необходимо перестать жить в «коконах» своего Я; для того, чтобы прийти в согласие с «чужаком» внутри себя им нужно «соединиться» (по терминологии Э.М. Форстера).

Список использованных источников

1. Шерозия, А. Е. Психика. Сознание. Бессознательное = Psychics. Consciousness. Unconsciousness: К обобщ. теории психологии / А. Е. Шерозия. – Тбилиси: Мецниереба, 1979. – 171 с.
2. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – 3-е изд. – М.: Худож. лит, 1972. – 470 с.
3. Бахтин, М. М. Из записей 1970–1971 годов / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества: сб. избр. тр.; примеч. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – С 336–360.
4. Бахтин, М. М. Искусство и ответственность; К философии поступка; Автор и герой в эстетической деятельности; Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве / М. М. Бахтин; коммент. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. – Киев: Фирма «Некст», 1994. – 384 с.
5. Forster, E. M. A Passage to India / E. M. Forster. – L.: Penguin Books, 2000. – 363 p.
6. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг; пер. А. М. Руткевича. – М.: Ренессанс, 1991. – 297 с.
7. Forster, E. M. Anonymity: An Enquiry / E. M. Forster // Two Cheers for Democracy / E. M. Forster. – London: Arnold, 1951. – P. 87–97.